

РОЛЬ ВОСПРИЯТИЯ ПОЛИЦИИ И ЧИНОВНИКОВ В АГРЕССИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ

А.А. РЕАН^а, И.Л. ШАГАЛОВ^б

^а ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО МПГУ), 119435, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1/1

^б Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

The Role of Perceiving Police and Government Officials in Adolescents Aggression

A.A. Rean^a, I.L. Shagalov^b

^a Moscow Pedagogical State University, Moscow, 119435, Russian Federation, Malaya Pirogovskaya Str., 1/1

^b HSE University, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

Резюме

В статье представлены результаты исследования агрессивности и социально-перцептивного образа полиции и чиновников в сознании молодых людей. Исследование опирается на опрос 6563 молодых людей в возрасте от 16 до 19 лет, из которых 42% мужчин (2759 чел.) и 58% женщин (3804 чел.). Опрос был проведен в восьми российских регионах. Авторы используют оригинальную методику оценки восприятия индивидами социального окружения — «80 прилагательных», а также разработанный на ее основе коэффициент позитивного восприятия. Анализ данных показал, что в молодежной аудитории проявляются эффекты агрессивности по отношению к полиции, восприятие молодежью чиновников не показало значимой связи с исследуемыми психологическими параметрами. При этом сильнее всего с негативным восприятием связана реактивная агрессивность, возникающая как ответная реакция на внешнюю агрессию или угрозу. Также установлено, что отрицательное восприятие правоохранительных органов с 1996 по 2016 г.

Abstract

The paper presents the results of a study of aggressiveness and the socio-perceptual image of the police and government officials in the minds of adolescents. Our study is based on a survey of 7468 young people between the ages of 16 and 19, of whom 42% were men (2759) and 58% were women (3804). The survey was conducted in eight Russian regions. We used an original methodology to assess individuals' perceptions of their social environment, the "80 adjectives", as well as a positive perception coefficient developed on its basis. The analysis of the data showed that negative perceptions of the police were positively related to the aggressiveness of the young audience, youth's perception of government officials showed no significant correlation with studied psychological parameters. At the same time, the strongest relationship negative perception formed with reactive aggression, arising as a response to external aggression or threat. It was also found that the negative perception of law enforcement agencies in

значимым образом не изменилось, а следовательно, характеризуется высокой степенью инертности и устойчивости. Кроме того, укоренившийся в психологии тезис о влиянии полноты семьи на агрессивность личности не нашел своего подтверждения в исследовании. Вместе с тем молодые люди, воспитанные двумя родителями, демонстрируют меньший уровень застенчивости и могут более успешно преодолевать трудности социализации. Анализ экзогенных факторов агрессивности показал связь между агрессией респондентов и размером города. В больших и густонаселенных городах молодые люди более склонны к агрессии, чем их сельские сверстники.

Ключевые слова: агрессивность, полиция, чиновники, подростки, государственные институты.

Реан Артур Александрович — руководитель, Центр социализации, семьи и профилактики асоциального поведения, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО МПГУ), доктор психологических наук, профессор, академик РАО.

Сфера научных интересов: психология личности, социальная психология, педагогическая психология, воспитание и социализация личности.

Контакты: profrean@yandex.ru

Шагалов Игорь Львович — научный сотрудник, Институт институциональных исследований; преподаватель, факультет экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера научных интересов: институциональная экономика, политическая экономия, местные сообщества, городская самоорганизация, психология личности.

Контакты: ishagalov@hse.ru

1996 and 2016 did not change in a meaningful way and, therefore, is characterized by a high degree of inertia and stability. Also, the entrenched thesis in psychology about the influence of family wholeness on personality aggression did not find confirmation in the study. At the same time, adolescents raised by two parents demonstrate a lower level of shyness, and thus can more successfully overcome socialization difficulties. The analysis of exogenous factors of aggression showed a correlation between the aggression of the respondents and the size of the city they live in. Young people in large and densely populated cities are more prone to aggression than their peers in the countryside.

Keywords: aggression, adolescents, authorities, officials, police, political violence, government institutions.

Arthur A. Rean — Head of Center, Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior, Moscow Pedagogical State University, DSc in Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education.

Research Area: Personality Psychology, Social Psychology, Educational Psychology, Education and Socialization of Personality.

E-mail: profrean@yandex.ru

Igor L. Shagalov — Research Fellow, Center for Institutional Studies; Lecturer, Faculty of Economics, HSE University.

Research Area: institutional economics, local communities, political economy, urban movements, personality psychology.

E-mail: ishagalov@hse.ru

В последнее время тема агрессии входит в число самых популярных в мировой психологии. Агрессии посвящено огромное количество книг и статей. Только в журналах Американской психологической ассоциации за последние несколько лет насчитывается более трех с половиной тысяч публикаций на эту тему. Можно предположить, что, скорее всего, такая реакция психологов сопряжена с беспрецедентным ростом агрессии и насилия в современном мире.

Если сравнить выраженность агрессии в разных странах, можно увидеть общества с более низким и с более высоким уровнем агрессии. Результаты исследований убеждают в том, что факторы агрессивности имеют преимущественно экзогенную природу. В специальных исследованиях, например, установлено, что наиболее выраженные различия между агрессивными и неагрессивными детьми обнаруживаются не в личностном предпочтении агрессивных альтернатив, т.е. не в базовой агрессивной мотивации, а в знании или незнании конструктивных, альтернативных агрессивным решений и способов преодоления проблемных ситуаций (Jennings et al., 2009). Среди экзогенных предпосылок агрессивности обычно выделяют: семейное воспитание и характеристики родителей (Kithakye et al., 2010; Taussig, Litrownik, 1997; van Dalen, Glasserman, 1997; Webster-Stratton, Hammond, 1988; Фурманов, 2008; Реан, 1996, 2008), опыт жертвы насильственных действий (Nadal, Davidoff, 2015; Sunshine, Tyler, 2003; Tyler, 2006), популяризацию насилия в медиа (Fried et al., 2000; Gupta et al., 2001; Shahinfar et al., 2000; Sindall et al., 2017), степень насилия в обществе (Kupersmidt et al., 1995; Guerra et al., 2003; Qouta et al., 2008b), политическое насилие и насилие государства (Marenin, 1983; Keltikangas-Jarvinen, Kangas, 1988; Qouta et al., 2008a; Loeber, Hay, 2010; Hendley, 2012) и др.

Будучи психологическим явлением, агрессия может рассматриваться и в более широком социологическом, политологическом и экономическом контексте как симптом неразвитости или недостаточного благополучия общества. Результаты исследований демонстрируют устойчивую связь между благосостоянием граждан и степенью выраженности агрессии, насилия, конфликтов в социуме. При этом некоторые страны преимущественно характеризуются высоким уровнем социального благополучия¹. Россия относится к числу стран со сравнительно низким уровнем миролюбия (т.е. с сильно выраженным социальным насилием), но при этом с высокими расходами на обеспечение безопасности. Особенно за последние годы вырос уровень домашнего насилия. Согласно официальной статистике МВД РФ, около 40% преступлений совершается в семье (Альбертова, 2018). Жертвами, как правило, становятся женщины и дети. Опыт насилия провоцирует ответную агрессию и насилие. Вместе с тем ответная агрессия может быть направлена не

¹ Наиболее часто применяемым в науке показателем дружелюбности обществ является индекс миролюбия (Global Peace Index). Агрессия в психологическом смысле может быть связана с индексом миролюбия. Индекс строится ежегодно независимым Институтом экономики и мира (The Institute for Economics & Peace) для 163 стран. Оценка миролюбия проводится на основе трех критериев: «защита и безопасность», «милитаризация», «текущие вооруженные конфликты». Россия в рейтинге 2018 г. занимает 154-е место, т.е. входит в число стран-аутсайдеров. Для сравнения по соседству находятся такие страны, как Украина, Судан, Центральная Африканская Республика, Демократическая Республика Конго. Наиболее миролюбивыми являются Исландия, Новая Зеландия, Австрия, Португалия, Дания и Канада. Россия ухудшила свои позиции в глобальном рейтинге по причине усиления влияния терроризма внутри страны, роста насильственных преступлений и увеличения политического давления. При этом Российская Федерация остается одним из мировых лидеров по доле расходов на безопасность – 17% ВВП.

только на источник агрессии, но и на социальные группы. Скажем ребенок, жертва насилия, может проецировать агрессию на родителей, сверстников, учителей, полицию, чиновников и другие группы, т.е. в целом на социум, и тогда агрессивность принимает генерализованную форму.

Как уже было сказано выше, тема факторов агрессивного поведения представлена в зарубежной и отечественной научной литературе. Между тем изучение последствий усиления насилия в социальном контексте, на наш взгляд, представляет не меньший интерес. Рост насильственных преступлений и государственно-политического давления (Мухаметшина, 2018) в России за последние годы мог привести к повышению агрессивности в обществе и повлиять на восприятие государственных институтов и их представителей.

Изучение восприятия индивидами государственных институтов в основном сосредоточено на взрослых, хотя правовые отношения и опыт взаимодействия, вероятно, формируются в детстве и подростковом возрасте (Arndorfer et al., 2015). Меньше известно о восприятии государственных институтов среди молодых людей и о том, как формируются их взгляды. В возрасте от 12 до 16 лет в процессе развития и социализации претерпевают изменения связи и взаимодействия с друзьями и родителями, более широко начинают использоваться общественные площадки вне дома и школы, увеличиваются риски девиантного, а иногда и делинквентного поведения, что, в свою очередь, увеличивает шансы столкнуться с полицией. Установлено (Sindall et al., 2017), что родительское доверие к полиции играет важную роль в формировании взглядов детей. Мнение старших детей более точно отражает взгляды родителей. Эти эмпирические результаты подтверждают ранние теоретические работы по изучению трансформации взглядов между поколениями (Нехорошева, 2013; Solomon et al., 2008). Также ряд исследователей приходят к выводу, что низкий уровень процессуальной справедливости в обществе (т. е. люди рассматривают правовую систему как несправедливую) может вести к возникновению негативных симптомов в психическом здоровье граждан, а также снижать уровень доверия к правовой системе (Tyler, 1988, 2006). При высоком уровне процессуальной справедливости люди с большей вероятностью подчиняются закону и поддерживают полицию (Sunshine, Tyler, 2003; Tyler, Wakslak, 2006).

Работ, посвященных восприятию подростками политиков, значительно меньше. В. Собкин и М. Мнацаканян (2016) установили, что политики не воспринимаются молодежью как люди, обладающие положительными нравственными качествами. При этом молодые люди придают большое значение нравственно-интеллектуальным качествам личности. Такие качества становятся все менее востребованными в российском обществе. Результаты исследований показывают падение престижа нравственности и ответственности в системе ценностей россиян. Так, исследование людей с положительной и отрицательной нравственной направленностью показало, что наиболее счастливыми из них оказались люди с отрицательной нравственной направленностью. Люди с отрицательной нравственной направленностью оценивают

свою жизнь как более комфортную, имеют более позитивное настроение, с большим оптимизмом смотрят в будущее (Нехорошева, 2013). Обобщая данные многочисленных исследований такого рода, А.В. Юревич справедливо замечает в связи с этим, что в современных условиях особенно актуальным становится возвращение школе ее воспитательной функции, изъятой у нее в ходе реформ в 1990-е гг. (Юревич, 2016). Наблюдаются тренды движения российского общества в направлении агрессии, алчности и насилия. Так, по данным экспертного опроса, проведенного А.В. Юревичем и Д.В. Ушаковым (в 1981, 1991, 2001, 2011 гг.), наиболее выраженную динамику роста в российском обществе обнаружили такие характеристики, как агрессивность, алчность, аномия, беспринципность, бесцеремонность, враждебность, вседозволенность, грубость, жестокость, злоба, конфликтность, ксенофобия, ложь, мафиозность, меркантильность, наглость, напряженность, насилие, невоспитанность, ненависть (Юревич, Ушаков, 2012). Схожие отрицательные паттерны, но уже в восприятии представителей государственных институтов – чиновников и полиции – обнаружены в исследовании А.А. Реана. Для характеристики этих социальных групп респонденты прибегали почти исключительно к использованию негативных дескрипторов – «жадный», «бездушный», «лживый» и др. (Реан, Коновалов, 2018). Важно подчеркнуть, что этот тренд оказался достаточно инертным для российского общества. Образ милиции в представлении молодежи в 1996 г. описывался тегами – «жестокый», «агрессивный», «подозрительный», «властный», «недоверчивый» и др. (Реан, 1996). За два десятилетия обобщенный портрет «силовика» практически не изменился. В зарубежных работах внимание в большинстве своем уделено изучению влияния политического насилия на психическое здоровье и агрессивность молодых людей (Kithakye et al., 2010; Qouta et al., 2008b; McMahon et al., 2002). Например, некоторые авторы (McMahon et al., 2002) приходят к выводу, что формы политического насилия могут влиять на тревожность (anxiety) и физическую агрессию детей и подростков (acting out behavior)², приводить к агрессивным реакциям, а также развитию морального релятивизма (Moen et al., 1997). Подверженность детей этническим, политическим конфликтам и насилию стимулирует их агрессию по отношению к своим сверстникам в последующие годы (Huesmann et al., 2017).

Между тем в существующих исследованиях не уделяется внимания связи агрессивности и восприятия государственных институтов молодыми людьми. В настоящей работе на российской выборке мы анализируем связь агрессивности с восприятием социального окружения, используя оригинальную авторскую методику «80 прилагательных». Мы проверяем гипотезу о том, что степень выраженности агрессивности связана с социально-перцептивным образом полиции и чиновников в сознании молодых людей, а также социально-демографическими характеристиками. Цель настоящего исследования:

² Термином «acting out behavior» в психологии характеризуют проблемное поведение, которое является физически и вербально агрессивным, разрушительным свойством, более серьезным, чем простое дурное поведение.

определить особенности восприятия молодыми людьми представителей государственных институтов (чиновничества и полиции) в связи с уровнем агрессивности личности. Для этого авторы исследования анализируют взаимосвязь агрессивности личности с дескрипторами, описывающими отношение к полиции и чиновникам, а также с социально-демографическими переменными.

Структура исследования

Выборка. В исследовании используются результаты опроса 6563 молодых людей в возрасте от 16 до 19 лет, из которых 42% мужчин (2759 чел.) и 58% женщин (3804 чел.). Опрос проведен в 2016 г. Респонденты были отобраны в результате репрезентативной выборки случайным образом в восьми регионах России (Владимирская, Воронежская, Иркутская, Новосибирская, Орловская, Самарская, Челябинская области, Республика Башкортостан).

Методики исследования. В методической части исследования используются Фрайбургский личностный опросник (FPI, Freiburg Personality Inventory) и методика «80 прилагательных».

Фрайбургский личностный опросник предназначен для диагностики состояний и личностных характеристик, которые имеют особое значение для процесса социальной адаптации и поведенческой регуляции. Опросник был разработан в 1963 г. учеными из Гамбургского университета И. Фаренбергом, Х. Заргом, Р.Г. Гампелем. В дальнейшем опросник был пересмотрен авторами (Fahrenberg et al., 2010) и адаптирован в Санкт-Петербургском университете А. Крыловым и Т. Ронгинской (форма Б, FPI-B). В западноевропейской психодиагностике FPI относится к популярной и широко применяемой методике. Она позволяет диагностировать невротические расстройства, в том числе оценить степень агрессивности и уравновешенности личности. Опросник содержит 114 утверждений, оцениваемых респондентами по шкале от 1 до 9 баллов, где наибольшему количеству баллов соответствует и наибольшая выраженность характеристики личности. 114 утверждений образуют 12 шкал, или свойств личности: Невротичность, Спонтанная агрессивность, Депрессивность, Раздражительность, Общительность, Уравновешенность, Реактивная агрессивность, Застенчивость, Открытость, Экстраверсия — Интроверсия, Эмоциональная лабильность, Маскулинность — Фемининность. Результаты тестирования выражаются в стандартных оценках 9-балльной шкалы. К низким относятся оценки в диапазоне 1–3 балла, к средним — 4–6 баллов, к высоким — 7–9 баллов. Результаты опросника характеризуются высокой степенью надежности. В настоящей работе мы используем результаты, полученные по шкалам, оценивающим степень агрессивности подростков (Спонтанная агрессивность, Раздражительность, Реактивная агрессивность), Предрасположенность к стрессовому реагированию на обычные жизненные ситуации (Застенчивость) и Устойчивость к стрессу (Уравновешенность). Хотя, при проведении самого исследования, как и положено, никакие шкалы не изымались и опросник предъявлялся целиком. Шкалы агрессивности определяются следующим образом. *Спонтанная агрессивность*

позволяет выявить и оценить психопатизацию интротенсивного типа. Высокие оценки свидетельствуют о повышенном уровне психопатизации, создающем предпосылки для импульсивного поведения. *Раздражительность* позволяет судить об эмоциональной устойчивости. Высокие оценки свидетельствуют о неустойчивом эмоциональном состоянии со склонностью к аффективному реагированию. *Реактивная агрессивность* имеет целью выявить наличие признаков психопатизации экстратенсивного типа. Высокие оценки свидетельствуют о высоком уровне психопатизации, характеризующемся агрессивным отношением к социальному окружению и выраженным стремлением к доминированию. В настоящем исследовании это свойство соответствует представлениям К. Доджа и Дж. Койи. Согласно им, реактивная агрессивность связана с осуществлением агрессивных действий в ответ на реальную или ожидаемую угрозу (Dodge, Coie, 1987), иначе говоря, представляет собой ответную реакцию на агрессию социального окружения. *Застенчивость* отражает предрасположенность к стрессовому реагированию на обычные жизненные ситуации, протекающему по пассивно-оборонительному типу. Высокие оценки по шкале отражают наличие тревожности, скованности, неуверенности, следствием чего являются трудности в социальных контактах. Шкала *Уравновешенность* отражает устойчивость к стрессу. Высокие оценки свидетельствуют о хорошей защищенности к воздействию стресс-факторов обычных жизненных ситуаций, базирующейся на уверенности в себе, оптимистичности и активности (Крылов, Ронгинская, 1990).

Согласно методике «80 прилагательных», разработанной А. Реаном, респондентам предлагается оценить различные социальные группы с использованием 80 дескрипторов. При этом 40 дескрипторов отражают положительные свойства личности, а другие 40 — отрицательные; позитивные и негативные дескрипторы в опроснике перемешаны. В данном исследовании были выбраны две социальные группы: «чиновники» и «полицейские». Допускался выбор любого количества дескрипторов в отношении каждой из категорий. В ходе анализа использовался топ-5 наиболее упоминаемых прилагательных. Методика применялась нами ранее, но относительно других социальных групп (Реан, Коновалов, 2018).

Описание используемых в исследовании переменных. В работе использовались два блока переменных: социально-демографические и психологические, характеризующие свойства личности (см. таблицу 1). Первый блок включил в себя: место жительства респондента — деревня (село), небольшой город, средний город, крупный город (население свыше 500 тыс. жителей); плотность населения, рассчитанная на уровне региона по количеству жителей на квадратный километр; валовый региональный продукт, представленный за 2016 г. (год проведения опроса); полнота семьи — бинарные переменные, характеризующие наличие у респондента полной семьи (78% респондентов), только с одной матерью (20% респондентов) или только с одним отцом (2% опрошенных). Психологические переменные представлены по шкале от 1 до 9, где большему значению соответствует самый высокий показатель.

Таблица 1

Описательная статистика независимых переменных

Переменная	N	M	SD	Min	Max
<i>Социально-демографические переменные</i>					
Место жительства	6562	3.36	1.462	1	5
Плотность населения (чел./кв. км)	6562	3.11	13.983	3.11	59.85
ВРП на душу населения (руб.)	6562	347066.0	44418.808	281336	443297
Возраст	6563	16.48	0.559	16	19
<i>Психологические переменные</i>					
Спонтанная агрессивность	2280	6.14	1.983	3	9
Реактивная агрессивность	2557	6.32	1.820	3	9
Раздражительность	2536	6.52	1.800	3	9
Застенчивость	2451	6.26	1.555	3	9
Уравновешенность	2610	5.20	2.065	1	9
Коэффициент позитивного восприятия полиции	5565	-0.06	0.129	-0.45	0.44
Коэффициент позитивного восприятия чиновников	5540	-0.116	0.125	-0.45	0.41

Анализ эмпирических данных. Обработка эмпирических данных проводилась методом регрессионного анализа. Расчет результатов произведен в статистическом пакете Stata.

Результаты исследования

Агрессивность и отношение к представителям государственных институтов

Как правило, в социологии и экономике отношение индивидов к государственным структурам, скажем к полиции или чиновникам, измеряют через восприятие качества оказываемых ими услуг по шкале удовлетворенности (Brown, Benedict, 2002). В социальной психологии доминирующий подход иной и отношение к той или иной социальной группе определяется либо через специальные опросники отношения (прямые или косвенные), либо через оценку восприятия, социально-перцептивного образа этой группы. К слову сказать, в социологии такой подход также применяется. Отношение к полиции, например, может быть измерено с позиции как «эффективности», так и «представлений» о ней респондентов (Worrall, 1999). «Эффективность» включает в себя оценку способностей полиции защищать граждан, раскрывать и предотвращать преступления. В свою очередь, «представление» включает в себя оценку отношения граждан к полиции — дружелюбие и справедливость правоохранительных органов. При этом «эффективность» и «представление»

являются независимыми мерами, каждая из которых чувствительна к различным рейтингам в зависимости от используемого набора переменных. В нашем исследовании мы используем второй подход.

По результатам нашего исследования, среди топ-5 дескрипторов, характеризующих полицейских, чаще всего назывались «жестокий» (56.6%), «злой» (59.9%), «подозрительный» (50.7%), «суровый» (48.7%), «властный» (48.2%). С чиновниками, прежде всего, молодые люди связывали такие дескрипторы, как «жадный» (74.5%), «бездушный» (67.5%), «лживый» (66.5%), «эгоистичный» (62.2%), «властный» (61.2%). В опроснике допускался выбор любого количества вариантов ответов. Несмотря на это, как видим, все из пяти наиболее часто используемых характеристик для обеих социальных групп были с негативной коннотацией.

Дескрипторы «80 прилагательных» представлены бинарными переменными. Для проведения корректного корреляционного анализа указанные переменные были преобразованы авторами статьи в агрегированный коэффициент, отражающий восприятие респондентами конкретной социальной группы. Настоящий индикатор получил название «коэффициент позитивности восприятия». Он рассчитывался для обеих социальных групп по следующей формуле (коэффициент разработан авторами статьи):

$$K_i = \frac{PositiveTraits_i - NegativeTraits_i}{SumTraits_i}, \quad (1)$$

где K_i – значение коэффициента позитивности восприятия социальной группы, $PositiveTraits_i$ – сумма положительных дескрипторов (от 0 до 40), $NegativeTraits_i$ – сумма отрицательных дескрипторов (от 0 до 40), $SumTraits_i$ – общее количество дескрипторов, используемых в анализе (всего – 80). Коэффициент варьируется в диапазоне от –1 до 1. Значение коэффициента, близкое к 1, соответствует наиболее положительному отношению респондентов к социальной группе, и наоборот.

Связь между психологическими свойствами личности и коэффициентом позитивности восприятия подростками социальных групп представлена в таблице 2. Ввиду того что зависимая переменная является порядковой (от 1 до 9), мы используем порядковую регрессию (ordered-logit). В таблице приведены пять моделей. Каждая модель соответствует конкретному свойству личности молодого человека. Мы объясняем выраженность каждого свойства набором переменных – коэффициентом позитивного восприятия полиции и чиновников, а также социально-демографическими переменными (контроли). Переменные с пропущенными бета-коэффициентами являются опорными. В модели введены фиктивные переменные регионов для учета территориальной специфики и возможных отличий. Статистические тесты на равенство коэффициентов при фиктивных переменных для указанных регионов показывают, что различий между ними нет. Также следует обозначить ограничения построенных нами регрессионных моделей. Сделанные расчеты не позволяют нам формулировать выводы в терминах причинно-следственной связи ввиду особенностей имеющих в распоряжении данных. Вместе с тем авторы

Таблица 2

Взаимосвязь переменных, характеризующих свойства личности, и коэффициента позитивности восприятия социальных групп

Переменные	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
	<i>Спонтанная агрессивность</i>	<i>Раздражительность</i>	<i>Уравновешенность</i>	<i>Реактивная агрессивность</i>	<i>Застенчивость</i>
Плотность населения	-0.004 (0.066)	0.070 (0.068)	0.082 (0.074)	-0.007 (0.064)	0.020 (0.064)
ВРП на душу населения	0.000 (0.000)	-0.000 (0.000)	-0.000 (0.000)	0.000 (0.000)	-0.000 (0.000)
Место жительства	0.016 (0.033)	-0.031 (0.032)	-0.066** (0.030)	-0.060* (0.032)	-0.073** (0.033)
Размер семьи	-0.040 (0.099)	-0.018 (0.096)	0.109 (0.093)	0.023 (0.093)	0.045 (0.094)
Полная семья	-0.424 (0.301)	-0.179 (0.262)	-0.176 (0.278)	-0.325 (0.397)	-0.434* (0.249)
Неполная семья (мать)	-0.424 (0.308)	-0.102 (0.268)	-0.361 (0.285)	-0.325 (0.403)	-0.371 (0.257)
Неполная семья (отец)	-	-	-	-	-
Коэф. полиции	-1.307*** (0.354)	-1.041*** (0.311)	0.061 (0.276)	-1.789*** (0.318)	-0.027 (0.316)
Коэф. чиновников	0.530 (0.340)	-0.079 (0.323)	0.285 (0.307)	0.325 (0.326)	-0.026 (0.331)
Контрольные переменные регионов	Да	Да	Да	Да	Да
Observations	2498	2770	2855	2793	2689

Примечание. В скобках приведены стандартные робастные ошибки.

* $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$.

работы не ставили перед собой такую задачу. Она может быть учтена в дальнейших исследованиях по рассматриваемой теме.

Результаты регрессионного анализа показывают, что агрессивность молодых людей отрицательно связана с местом жительства. В частности, чем крупнее город, тем ниже уравновешенность молодых людей. В то же время с размерами города отрицательно коррелирована застенчивость и чуть менее значимо реактивная агрессивность. Это вполне ожидаемо. В мегаполисах количество стресс-факторов, влияющих на поведение индивидов, по сравнению с малонаселенными городами и поселками значительно выше, что, с одной стороны (как показывают наши расчеты), может понижать устойчивость к стрессу, а с другой — способствовать уменьшению агрессивного отношения к социальному окружению и предрасположенности к стрессовым ситуациям в повседневной жизни.

Также следует отметить, что степень выраженности застенчивости ниже в полных семьях. Иными словами, воспитание ребенка двумя родителями значимо снижает скованность и неуверенность в подростковом возрасте.

Следовательно, результаты, представленные в нашем исследовании, не подтвердили устоявшееся в психологии предположение о влиянии полноты семьи на агрессивность подростков (Goetting, 1989; Peek et al., 1985; Накорякова, Жукова, 2016).

Как мы видим, переменные, связанные с агрессивностью молодежи, в значительной степени экзогенны, т.е. имеют внешнюю природу. Примером подобных воздействий является фрустрирующая ситуация³. Такое поведение описывается в рамках фрустрирующей модели агрессии. Но, конечно, чаще экзогенные факторы действуют опосредованно, преломляясь в личности. Механизм социализации агрессии состоит во влиянии на ее формирование семьи и стилей воспитания, неформального окружения, группы сверстников и пр.

Вместе с тем в регрессии мы наблюдаем сильную связь раздражительности и еще одной дамми-переменной — проживание респондентов в Иркутской области. Мы полагаем, что это может быть обусловлено несбалансированностью нашей выборки. В этом регионе опросом было охвачено только 11 респондентов из 6563 (т.е. меньше 1%). Такие диспропорции, как правило, приводят к неточностям в расчетах.

Наиболее интересным и важным результатом исследования, на наш взгляд, является установленная сильная отрицательная связь свойств личности с коэффициентом позитивного восприятия полиции, в частности, со спонтанной агрессивностью, раздражительностью и реактивной агрессивностью. Значимость коэффициента устойчива в разных моделях. Это означает, что чем ниже коэффициент позитивности, тем выше агрессивность молодежи. Так, например, согласно расчетам отношения шансов (odds ratio), увеличение значения коэффициента позитивного восприятия полиции на единицу повышает шансы для снижения уровня агрессивности на 83% при всех прочих равных. Аналогичным образом повышаются шансы на снижение спонтанной агрессивности на 73% и раздражительности на 65%. Следует подчеркнуть, что наибольшее значение бета-коэффициента переменной позитивности восприятия по модулю в модели реактивной агрессивности, т.е. с типом агрессивности, который возникает в ответ на внешнюю угрозу. В структуре агрессивности личности выделяют традиционно когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Когнитивный компонент включает в себя и представления о другом индивиде или социальной группе. Считается, что именно эти представления при их определенном негативном содержании и являются одним из пусковых механизмов агрессии по отношению к конкретному лицу или группе. Однако в силу ограниченности построенных моделей неясно, что является первичным: формирование негативного образа под воздействием изначально высокой агрессивности или повышение агрессивности по отношению к конкретной группе (в нашем случае к полиции) под воздействием уже сложившегося (под влиянием разных факторов) негативного образа.

³ Под фрустрацией понимается ситуация, при которой человек действует в ожидании удовлетворения или достижения цели, но фактически не достигает желаемого ввиду объективно непреодолимых трудностей (см., например: Dollard et al., 1939; Anderson, Bushman, 2002).

Анализ параметров агрессивности личности не выявил значимой связи с коэффициентом позитивности восприятия чиновников. Такой эффект может быть опосредован отсутствием опыта прямого взаимодействия молодых людей с представителями власти и несформировавшейся личной позицией по отношению к данной социальной группе.

Полученные нами результаты согласуются с данными опросов россиян по оценке уровня доверия к полиции и государственным служащим. По данным ВЦИОМ, последние несколько лет доверие к полиции остается на невысоком уровне и существенным образом не меняется⁴. Еще более низкие оценки наблюдаются в отношении граждан к государственным служащим (Мониторинг общественного доверия..., 2016). Такое негативное восприятие молодежью полиции сопряжено с риском формирования правового нигилизма. Современные исследования отмечают преобладание правового нигилизма в России и странах постсоветского пространства. Среди основных факторов, ведущих к правовому нигилизму, прежде всего авторы работ отмечают низкий уровень доверия населения к государственным институтам (Hendley, 2012).

Кроме того, наши данные подтверждают тезис о связи агрессивности личности с экзогенными факторами.

Выводы

Проведенное нами исследование позволяет сформулировать ряд важных выводов. Анализ данных показал, что восприятие молодыми людьми полицейских и чиновников сопряжено с уровнем агрессивности. Негативное восприятие представителей власти положительно коррелирует с агрессивностью молодых людей. При этом сильнее всего с негативным восприятием связана реактивная агрессивность, возникающая как ответная реакция на внешнюю агрессию или угрозу. Следует подчеркнуть, что внешним раздражителем могут являться экзогенные факторы, среди которых семья, сверстники, учителя, уровень благосостояния, а также степень государственно-политического давления в обществе. Обнаруженные нами эффекты агрессивности в молодежной аудитории проявляются по отношению к полиции. По отношению к чиновникам эти эффекты отсутствуют. Схожие результаты были получены в более ранних исследованиях А.А. Реана в 1996 г. Согласно указанному исследованию, молодые люди описывали милицию исключительно в негативных дескрипторах. Из чего следует, что отрицательное восприятие правоохранительных органов с 1996 по 2016 г. (представлены в настоящей работе) значимым образом не изменилось, а следовательно, характеризуется высокой степенью инертности и устойчивости.

⁴ Доля россиян, доверяющих полиции (сумма долей ответов респондентов «определенно доверяю» и «скорее доверяю» полиции), в 2016 г. снизилась на 10 п.п. и последующие 5 лет существенным образом не менялась, оставаясь в среднем на уровне 56% (Работа полиции: оценки россиян, 2018).

На наш взгляд, негативное восприятие подростками полиции может вести к дискредитации норм права, которые эти группы призваны представлять и соблюдать. Такое негативное восприятие молодежью указанных социальных групп, особенно полиции, сопряжено с риском формирования правового нигилизма. В таких условиях крайне сложно построить конструктивное взаимодействие как на межличностном уровне между молодыми людьми и представителями государственных институтов, так и на более глобальном уровне, между государством и молодой частью общества. В более частном случае это касается взаимодействия между молодыми людьми с девиантным или делинквентным поведением и представителями полиции, которые призваны такое поведение корректировать.

Анализ экзогенных факторов агрессивности показал связь между агрессией респондентов и размером города. В больших и густонаселенных городах молодые люди более склонны к агрессии, чем их сельские сверстники. Кроме того, укоренившийся в психологии тезис о влиянии полноты семьи на агрессивность личности не нашел подтверждения в нашем исследовании. Вместе с тем следует отметить, что наши результаты демонстрируют низкий уровень застенчивости подростков из полных семей, они менее скованные, более уверенные в себе и более успешные в социальных контактах.

Полученные авторами результаты не позволяют формулировать выводы в терминах причинно-следственной связи. Скорее настоящую работу следует рассматривать в качестве задела для дальнейшего изучения связи агрессивности молодежи и государственных институтов в развивающихся странах.

Литература

- Альбертова, Р. (2018, 28 февраля). Статистика домашней тираннии: считают каждый год по-новому. *Idel.Realiz*. <https://www.idelreal.org/a/29067943.html>
- Крылов, А. А., Ронгинская, Т. И. (1990). Исследование личности с помощью модифицированной формы В опросника FPI. В кн. А. А. Крылов (ред.), *Практикум по экспериментальной и прикладной психологии* (с. 51–60). Л.: Изд-во Ленинградского университета.
- Мониторинг общественного доверия: российский и зарубежный опыт.* (2016). М.: РАНХиГС.
- Мухаметшина, М. (2018, 21 сентября). Политическое насилие в России растет с каждым годом. *Ведомости*. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/09/20/781542-politicheskoe-nasilie>
- Накорякова, Н. Ю., Жукова, С. Ю. (2016). Влияние полной и неполной семьи на уровень физической агрессивности, эмпатии и успеваемости подростков. *Инновационная наука*, 3(15), 204–207.
- Нехорошева, И. В. (2013). Эмпирическое исследование уровня счастья людей с различной нравственной направленностью. В кн. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич (ред.), *Психологические исследования нравственности* (с. 243–265). М.: Институт психологии РАН.
- Работа полиции: оценки россиян. (2018, 9 ноября). *ВЦИОМ*. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-policzii-ocenki-rossiyan>
- Реан, А. А. (1996). Агрессия и агрессивность личности. *Психологический журнал*, 17(5), 3–18.
- Реан, А. А. (ред.). (2008). *Психология подростка. Полное руководство*. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК.

- Реан, А. А., Коновалов, И. А. (2018). Социально-перцептивный образ различных социальных групп в сознании подростков. *Социальная психология и общество*, 9(2), 60–80.
- Собкин, В. С., Мнацаканян, М. А. (2016). Сравнительный анализ особенностей отношения двух поколений мальчиков-старшеклассников к политическим лидерам России (по материалам психосемантических исследований 2004 и 2014 гг.). *Национальный психологический журнал*, 4(24), 79–86.
- Фурманов, И. А. (2008). Эндогенные и экзогенные факторы эстафеты агрессии и насилия в семье. *Психологический журнал*, 2(18), 9–14.
- Юревич, А. В. (2016). Нравственное состояние современного российского общества: эмпирические оценки. *Вопросы психологии*, 6, 49–63.
- Юревич, А. В., Ушаков, Д. В. (2012). Экспертная оценка динамики психологического состояния российского общества: 1981–2011 гг. *Вопросы психологии*, 3, 30–43.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Al'bertova, R. (2018, February 28). Statistika domashnei tiranii: schitayut kazhdyi god po-novomu [Statistics of domestic tyranny: counting every year in a new way]. *Idel.Realii*. <https://www.idel-real.org/a/29067943.html>
- Anderson, C. A., & Bushman, B. J. (2002). Human aggression. *Annual Review of Psychology*, 53, 27–51. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.53.100901.135231>
- Arndorfer, A., Malloy, L. C., & Cauffman, E. (2015). Interrogations, confessions, and adolescent offenders' perceptions of the legal system. *Law and Human Behavior*, 39(5), 503–513. <https://doi.org/10.1037/lhb0000138>
- Brown, B., & Benedict, W. R. (2002). Perceptions of the police: past findings, methodological issues, conceptual issues and policy implications. *Policing: An International Journal of Police Strategies and Management*, 25, 543–580. <https://doi.org/10.1108/13639510210437032>
- Dodge, K. A., & Coie, J. D. (1987). Social information-processing factors in reactive and proactive aggression in children's peer groups. Special issue: Integrating personality and social psychology. *Journal of Personality and Social Psychology*, 53, 1146–1158. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.53.6.1146>
- Dollard, J., Doob, L., Miller, N., Mowrer, O., & Sears, R. (1939). *Frustration and aggression*. New Haven, CT: Yale University Press. <https://doi.org/10.1037/10022-000>
- Fahrenberg, J., Hampel, R., & Selg, H. (2010). *Freiburger Persönlichkeitsinventar* (8., erw. Auflage). Göttingen: Hogrefe. <https://doi.org/10.5160/psychdata.fgjn82fr19>
- Fried, C. S., Reppucci, N. D., & Woolard, J. L. (2000). Youth violence. In J. Rappaport & E. Siedman (Eds.), *Handbook of community psychology* (pp. 493–506). New York, NY: Plenum.
- Furmanov, I. A. (2008). Endogennye i ekzogennye faktory estafety agressii i nasiliya v sem'e [Endogenous and exogenous factors of the relay race of aggression and domestic violence]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2(18), 9–14.
- Gotting, A. (1989). Patterns of homicide among children. *Criminal Justice and Behavior*, 16(1), 63–80. <https://doi.org/10.1177/0093854889016001004>

- Guerra, N. G., Huesmann, L. R., & Spindler, A. (2003). Community violence exposure, social cognition, and aggression among urban elementary school children. *Child Development, 74*(5), 1561–1576. <https://doi.org/10.1111/1467-8624.00623>
- Gupta, V. B., Nwosa, N. M., Nadel, T. A., & Inamdar, S. (2001). Externalizing behaviors and television viewing in children of low-income minority parents. *Clinical Pediatrics, 40*(6), 337–341. <https://doi.org/10.1177/000992280104000606>
- Hendley, K. (2012). Who are the legal nihilists in Russia? *Post-Soviet Affairs, 28*(2), 149–186. <https://doi.org/10.2747/1060-586X.28.2.149>
- Huesmann, L. R., Dubow, E. F., Boxer, P., Landau, S. F., Gvirsman, S. D., & Shikaki, K. (2017). Children's exposure to violent political conflict stimulates aggression at peers by increasing emotional distress, aggressive script rehearsal, and normative beliefs favoring aggression. *Development and Psychopathology, 29*(1), 39–50. <https://doi.org/10.1017/S0954579416001115>
- Jennings, M. K., Stoker, L., & Bowers, J. (2009). Politics across generations: Family transmission reexamined. *The Journal of Politics, 71*(3), 782–799. <https://doi.org/10.1017/S0022381609090719>
- Keltikangas-Jarvinen, L., & Kangas, P. (1988). Problem-solving strategies in aggressive and nonaggressive children. *Aggressive Behavior, 14*(4), 255–264. [https://doi.org/10.1002/1098-2337\(1988\)14:4<255::AID-AB2480140404>3.0.CO;2-E](https://doi.org/10.1002/1098-2337(1988)14:4<255::AID-AB2480140404>3.0.CO;2-E)
- Kithakye, M., Morris, A. S., Terranova, A.M., & Myers, S. S. (2010). The Kenyan political conflict and children's adjustment. *Child Development, 81*(4), 1114–1128. <http://www.jstor.org/stable/40801463>
- Krylov, A. A., & Ronginskaya, T. I. (1990). Issledovanie lichnosti s pomoshch'yu modifitsirovannoi formy V oprosnika FPI [Methods of personality research using a modified FPI questionnaire form B]. In A. A. Krylov (Ed.), *Praktikum po eksperimental'noi i prikladnoi psikhologii* [Practicum in experimental and applied psychology] (pp. 51–60). Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.
- Kupersmidt, J. B., Briesler, P. C., DeRosier, M. E., Patterson, C. J., & Davis, P. W. (1995). Childhood aggression and peer relations in the context of family and neighborhood factors. *Child Development, 66*(2), 360–37. <https://doi.org/10.2307/1131583>
- Loeber, R., & Hay, D. F. (1994). *Developmental approaches to aggression and conduct problems*. In M. Rutter & D. F. Hay (Eds.), *Development through life: A handbook for clinicians* (pp. 488–515). Oxford: Blackwell Scientific.
- Marenin, O. (1983). Supporting the local police: The differential group basis of varieties of support. *Police Studies, 6*, 50–56.
- McMahon, S. D., Grant, K. E., Compas, B. E., Thurm, A. E., & Ey, S. (2002). Stress and psychopathology in children and adolescents: Is there evidence of specificity? *Journal of Child Psychology and Psychiatry, 44*(1), 107–133. <https://doi.org/10.1111/1469-7610.00105>
- Moen, P., Erickson, M. A., & Dempster-McClain, D. (1997). Their mother's daughters? The intergenerational transmission of gender attitudes in a world of changing roles. *Journal of Marriage and the Family, 59*(2), 281–293. <https://doi.org/10.2307/353470>
- Monitoring obshchestvennogo doveriya: rossiiskii i zarubezhnyi opyt [Public trust monitoring: Russian and foreign experience]. (2016). Moscow: RANKhiGS.
- Mukhametshina, M. (2018, September 21). Politicheskoe nasilie v Rossii rastet s kazhdym godom [Political violence in Russia grows every year]. *Vedomosti*. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/09/20/781542-politicheskoe-nasilie>
- Nadal, K. L., & Davidoff, K. C. (2015). Perceptions of Police Scale (POPS): Measuring attitudes towards law enforcement and beliefs about police bias. *Journal of Psychology and Behavioral Science, 3*, 1–12.

- Nakoryakova, N. Yu., & Zhukova, S. Yu. (2016). Vliyanie polnoi i nepolnoi sem'i na uroven' fizicheskoi agressivnosti, empatii i uspevaemosti podrostkov [The influence of a two- and single-parent family on the level of physical aggressiveness, empathy and academic performance of adolescents]. *Innovatsionnaya Nauka*, 3(15), 204–207.
- Nekhorosheva, I. V. (2013). Empiricheskoe issledovanie urovnya schast'ya lyudei s razlichnoi nraavstvennoi napravlenno'st'yu [An empirical study of the level of happiness in people with various moral orientations]. In A. L. Zhuravlev & A. V. Yurevich (Eds.), *Psikhologicheskie issledovaniya nraavstvennosti* [Psychological studies of morality] (pp. 243–265). Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Peek, C., Fischer, J. & Kidwell, J. (1985). Teenage violence toward parents: A neglected dimension of family violence. *Journal of Marriage and the Family*, 47(4), 1051–1060.
- Qouta, S., Punamäki, R. L., & El Sarraj, E. (2008a). Child development and family mental health in war and military violence: The Palestinian experience. *International Journal of Behavioral Development*, 32(4), 310–321. <https://doi.org/10.1177/0165025408090973>
- Qouta, S., Punamäki, R. L., Miller, T., & El-Sarraj, E. (2008b). Does war beget child aggression? Military violence, gender, age and aggressive behaviour in two Palestinian samples. *Aggressive Behavior*, 34(3), 231–244. <https://doi.org/10.1002/ab.20236>
- Rabota politzii: otsenki rossiyan [Police work: assessments by Russians]. (2018, November 9). *VTsIOM*. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-policzii-ocenki-rossiyan>
- Rean, A. A. (1996). Aggression and aggressiveness of personality. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 17(5), 3–18. (in Russian)
- Rean, A. A. (Ed.). (2008). *Psikhologiya podrostka. Polnoe rukovodstvo* [Psychology of a teenager. Complete guide]. Saint Petersburg: Praim-EVROZNAK.
- Rean, A. A., & Konovalov, I. A. (2018). Adolescent's socio-cognitive representations (images) of different social groups. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo* [Social Psychology and Society], 9(2), 60–80. (in Russian)
- Shahinfar, A., Fox, N. A., & Leavitt, L. A. (2000). Preschool children's exposure to violence: Relation of behavior problems to parent and child reports. *American Journal of Orthopsychiatry*, 70(1), 115–125. <https://doi.org/10.1037/h0087690>
- Sindall, K., McCarthy, D. J., & Brunton-Smith, I. (2017). Young people and the formation of attitudes towards the police. *European Journal of Criminology*, 14(3), 344–364. <https://doi.org/10.1177/1477370816661739>
- Sobkin, V. S., & Mnatsakanyan, M. A. (2016). Comparative analysis of the relations between two generations of high school male students to the political leaders of Russia (based on the psychosemantic research of 2004 and 2014). *Natsional'nyi Psikhologicheskii Zhurnal* [National Psychological Journal], 4(24), 79–86. (in Russian)
- Solomon, B. S., Bradshaw, C. P., Wright, J., & Cheng, T. L. (2008). Youth and parental attitudes toward fighting. *Journal of Interpersonal Violence*, 23(4), 544–560. <https://doi.org/10.1177/0886260507312947>
- Sunshine, J., & Tyler, T. R. (2003). The role of procedural justice and legitimacy in shaping public support for policing. *Law and Society Review*, 37, 513–548. <http://www.jstor.org/stable/1555077>
- Taussig, H. N., & Litrownik, A. J. (1997). Child maltreatment. *Journal of the American Professional Society on the Abuse of Children*, 2, 172–182.
- Tyler, T. R. (1988). What is procedural justice? Criteria used by citizens to assess the fairness of legal procedures. *Law and Society Review*, 22, 103–136. <https://doi.org/10.2307/3053563>

-
- Tyler, T. R. (2006). Psychological perspectives on legitimacy and legitimation. *Annual Review of Psychology, 57*, 375–400.
- Tyler, T. R., & Wakslak, C. J. (2006). Profiling and police legitimacy: Procedural justice, attributions of motive, and acceptance of police authority. *Criminology, 42*, 253–281. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2004.tb00520.x>
- Van Dalen, A., & Glasserman, M. (1997). My father, Frankenstein: A child's view of battering parents. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry, 36*, 1005–1007.
- Webster-Stratton, C., & Hammond, M. (1988). Maternal depression and its relationship to life stress, perceptions of child behavior problems, parenting behaviours, and child conduct problems. *Journal of Abnormal Child Psychology, 16*, 299–315. <https://doi.org/10.1007/BF00913802>
- Worrall, J. L. (1999). Public perceptions of police efficacy and image: The “fuzziness” of support for the police. *American Journal of Criminal Justice, 24*(1), 47–66. <https://doi.org/10.1007/BF02887617>
- Yurevich, A. V. (2016). The state of morals in contemporary Russian society: An empirical estimate. *Voprosy Psikhologii, 6*, 49–63. (in Russian)
- Yurevich, A. V., & Ushakov, D. V. (2012). Expert evaluation of dynamics of the psychological state of Russian society in 1981–2011. *Voprosy Psikhologii, 3*, 30–43. (in Russian)